

Калугин Алексей Сергеевич, Терехова Грета Леоновна

ФИЛОСОФСКАЯ КОМПАРАВИСТИКА: ГЕРЦЕН И КИРЕЕВСКИЙ О ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ПУТИ РОССИЕЙ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/7/4.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (50). С. 14-16. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 1

Алексей Сергеевич Калугин, Грета Леоновна Терехова
Тамбовский государственный технический университет

ФИЛОСОФСКАЯ КОМПАРАВИСТИКА:
ГЕРЦЕН И КИРЕЕВСКИЙ О ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ПУТИ РОССИЕЙ©

Русская философия - особенное явление в человеческой культуре: она является сплавом идей византийской, западноевропейской и славянской культур. Многие столетия ее развитие определялось православными идеями. Основная тенденция русской культуры и философии, в отличие от западноевропейской, заключается в том, что в ней чистая рациональность не является главенствующей. Русские мыслители усматривали в человеческой личности особый мир, духовную реальность, которая в глубине своей связана с Божественным бытием. Они всегда были правдоискателями; трансцендентный мир всегда был связан с Божественной любовью, с желанием переосмыслить ее чудодейственную силу.

XIX век был сложным веком для русской культуры: последствия радикальных петровских переворотов давали о себе знать: чрезмерное насаждение европейских светских норм среди высшего общества, прививка излишней рациональности привели к разъединению русскую интеллигенцию, а затем и весь народ. Несмотря на разделение мировоззрений (западничество и славянофильство), в русской философии XIX века была объединяющая всех идея, которая впоследствии станет постоянной темой размышлений нашей интеллигенции - это выбор основных принципов социального и духовного развития страны, «русская идея». Мы должны понимать, что вся русская интеллигенция мечтала о социальном и духовном преобразовании России.

Не является исключением и представитель западнического направления, а вернее сказать, «русского европеизма», А. И. Герцен. В юности его манила к себе западная культура, а в конце жизни он приходит к полному разочарованию в ней. В своей ранней работе «Двадцать осмое января» он пишет о Европе: «она развивает гражданственность и устремляет к дальнейшей цивилизации (в обширном смысле) человечество» [3, с. 20].

Полемизируя с лагерем западников, которые видели спасение России лишь в принятии ею западной культуры; славянофилы утверждали, что, только вернувшись к народным, православным корням, страна может воспитать культуру, соответствующую истинно христианскому духу, способную уберечь ее от тупиковых заблуждений, с которыми столкнулся западный мир.

Европейские революции, которые потонули в крови, разрушили в Герцене романтизм и идеализм, а также веру в европейскую непрерываемость. «Наше классическое незнание западного человека наделает много бед, из него еще разовьются племенные ненависти и кровавые столкновения» [1, с. 637] и «мы с удивлением видим, что вообще западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они гораздо ниже его»... Французское правительство давно «поняло тайну прекращения личностей» [Там же, с. 593], немец теоретически развит, но «проку в этом нет до сих пор» [Там же, с. 603], «англичанин и француз исполнены предрассудков» [Там же, с. 604]. Со всеми этими чертами западного человека Герцен знакомится в процессе своей жизни с ними. Будучи человеком весьма разносторонним, в борьбе за культуру он готов был поначалу принять и одобрить разрушение Европы, но личный и исторический опыт переубедил его и он понял, что в борьбе с цивилизацией необходимо спасти в ней все, что достойно спасения.

После революции 1848 г. Герцена беспокоит мещанство, которое очень быстро становится нормой в Европе. И «действительно нравственного начала во всем этом нет» [Там же, с. 639], - пессимистически обнаруживает мыслитель. Вся нравственность послереволюционной эпохи свелась к тому, что неимущий должен всеми средствами приобретать, а имущий - хранить и увеличивать свою собственность» [Там же]. Мещанство, по Герцену, есть последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности. Герцен переживает, что все слои общества могут быть подвержены этому процессу. Он с прискорбием замечает, что мещанство пробралось во все тайники семейной и частной жизни.

«Побродивши между посторонних», Герцен обращается к России, верит в нее, в русских, несмотря на то, что у нас «бездна лукавства диких и уклончивости рабов», «но... мы далеко отстали в разъедающей, наследственно зараженной тонкости западного растления» [2, с. 276]. «Раздавленный при встрече двух мировых колес истории», он видит выход именно в образовании, которое у нас «кладет предел, за который много гнусного не ходит» и «умственное развитие служит (по крайней мере служило до сих пор) чистилищем и порукой» [Там же, с. 277].

Славянофил Иван Киреевский также придает большое значение образованию. Но его мировоззрение, в отличие от мировоззрения Герцена, основано на православно-христианской церковной философии. А последняя сопрягается с высшими вопросами веры и в то же время связана с развитием науки и образованием. Опираясь на восточно-христианское учение о «внутреннем делании», Киреевский акцентирует внимание на внутреннем творчестве личности, так как истина постигается не только рассудком, но всей духовной сферой человека. По его мнению, человек должен стремиться к решению вопросов духовных: «ежели он при

учености своей злое сердце имеет, то достоин сожаления и со всем своим знанием есть сущий невежда, вредный самому себе, ближнему и целому обществу» [6, с. 161].

Творчество Киреевского и Герцена объединяет, несмотря на различие мировоззрений, идея синтеза науки, религии и искусства. Рисуя грандиозные абстрактные проекты, Киреевский отталкивается от православных корней. Он акцентирует внимание на индивидуальном подвижничестве в соборности, ибо «каждая нравственная победа в тайне одной христианской души есть уже победа для всего христианского мира...» [5, с. 177]. Внешнее творчество каждого христианина должно иметь основание в напряженной внутренней работе, сочетаться с внутренним деланием. И тогда знание станет сокровенным ведением, способным качественно изменить состояние мира. По его мнению, направление своей жизни и всякое действие должно быть «выражением одного стремления», каждый шаг вести «к одной цели» [4, с. 334]. Без этого жизнь человека не будет иметь смысла, ибо и человека-то собственно не будет.

По мнению Герцена, религия, наука и искусство всего менее зависят от всего случайного и личного, лишь невежество может поставить их в такую недостойную зависимость. Одновременно, он утверждает присутствие личного, страстного начала в жизни и в науке. В мире одного лишь разума нет места личности, там она не имеет ни ценности, ни смысла. Принадлежность страстей личности Герцен объясняет их индивидуальностью, а подавление их - задачей утопичной. Тем не менее, в науке он стремится к освобождению от страстей, то есть к объективности, основанием для которой является сфера всеобщности. Анализируя герценовские «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы» можно сделать вывод о том, что в этом взаимодействии противоположностей хорошо усвоенная им гегелевская диалектика, метод, позволяющий только рационально решать проблему, но не всегда позволяющий претворить логичные выводы в жизнь.

Славянофилы также претерпели влияние немецкого романтического идеализма. Но общение с оптинскими старцами позволило им преодолеть это увлечение, переориентировавшись на поиск вдохновения в творениях отцов Церкви и традициях «Добролюбия». Славянофилы опираются на учение о любви, ее основополагающей значимости для всех сторон жизни Церкви и общества. Они понимают, что отсутствие любви приводит к всевозможным аномалиям, главной из которых является нарушение познавательной функции человека и отсюда утрата им истины.

Герценовская антиномия - разум и страсти и в науке и в жизни; Киреевский, стоящий на православном фундаменте, утверждает сочетание разума и веры. Киреевский считает, что свободное развитие естественных законов разума не может быть вредно для веры православно мыслящих, ибо «вера не слепое понятие», а «также и не внешний авторитет, перед которым разум должен слепнуть, но авторитет вместе и внешний и внутренний, высшая разумность, живительная для ума» [6, с. 319]. По мнению философа, развитие естественного человеческого разума является для веры только ступенями; вера же вразумляет разум. Опасность уклониться от истинного учения, считает мыслитель, таилась в невежестве. Развитие разумного знания не дает, конечно, спасения, но ограждает от лжезнания. Вера при невежестве вырождается в суеверие, фанатизм. «От невежества разума при самых правильных убеждениях сердца рождается ревность не по разуму, происходит уклонение разума и сердца от истинных убеждений» [4, с. 310].

Герцен, лишенный православного воспитания, уже в ранних произведениях различает церковную жизнь и веру, что является проявлением его секулярной мысли. Секулярное сознание отбросило камень, на котором строится всякое здание. Место Бога у него заняло образование, наука, искусство. Последующий за этим атеизм привел к разрыву отношений даже с горячо любимыми друзьями. Но в Герцене остается настоящая любовь к Родине, и бессознательное ощущение той соборности, которая пронизывает отношения простого народа. Называет он это только по-другому: «тепло коллектива».

Для Герцена, как и для многих представителей интеллигенции, подчинивших свою жизнь поиску истины посредством научного метода познания, Церковь утрачивала значение духовной водительницы общества, но стремление к высшим идеалам, вера в духовное оставалась. Поэтому появлялись новые инстанции, на которые перелгался этот долг. Такой новой инстанцией для Герцена стало искусство, которому он посвятил немало строк, и которое он называет спасительницей человечества.

В отличие от Герцена, славянофил Киреевский приходит к убеждению о том, что русская культура при ее открытости и соборности должна задушить вредную сторону западной образованности и направить ее в истинное русло, поскольку начало русской образованности - высшая ступень западной. Отмечая недостатки русской культуры и образования, Киреевский вместе с Хомяковым отмечает отсутствие и неопределенность логического знания. А это приводит русских к недостатку единодушия, «слепоте», непоследовательности, «одичанию», «искажениям» [7, с. 242]. По мнению Киреевского, логическое знание является внутренним руководителем, укрепляющим волю. Решение конкретно-исторических задач России философ связывает с проблемой выбора всем человечеством пути между двумя возможными дорогами: к Апокалипсису или же к построению Царства Божия. Выход он находит в синтезе культур, но обязательно при преобладании начал русской образованности, что привело бы человечество к всеобщему согласию.

Список литературы

1. Герцен А. И. Былое и думы. М., 1969. Ч. 1-5.
2. Герцен А. И. Об искусстве. М., 1954.
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30-ти т. М., 1954-1965. Т. 1.
4. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 309.

5. Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 1. С. 277.
6. Новиков Н. И. Отрывки // Русская философия второй половины 18-го века: хрестоматия. Свердловск, 1990. С. 161.
7. Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Благова Т. И. Родоначальники славянофильства: А. Хомяков и И. Киреевский. М., 1995.

УДК 111.81

Светлана Станиславовна Огарева

Саратовский государственный технический университет (филиал) в г. Петровске

К СПОРУ ОБ ИСТИНЕ, ЗНАНИИ И ПОЗНАНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС©

Человечество вступило в новый миллениум, так и не разрешив многие спорные вопросы, которые овладевали умами философов на всем протяжении развития мировых цивилизаций, начиная с их постановки древнегреческими мыслителями. Спор о природе истины, отношении философии и науки к действительному знанию, условиям его достоверности и истинности остается актуальным и в наши дни. Конец прошлого века принес с собой мощный мировоззренческий перелом эпох, повлекший за собой крах ряда рациональных теорий в науке, политике и экономике. Это привело к рождению новых культурных и гуманитарных ценностей.

Потому так остро встает проблема философской рефлексии в наш век, возможность переосмыслить и попытаться найти ответы на вопросы, к которым возвращались многие мыслители, после их постановки Иммануилом Кантом: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек? Данные вопросы по И. Канту «восходят за пределы природы» и имеют трансцендентальный характер. Это значит, прежде всего, что философскую постановку любого из них не в состоянии заменить конкретные науки. Современное обращение к кантовской проблематике привносит в научную дискуссию критический дух, ставя главный вопрос теоретической философии: как возможно научное и философское познание, как возможна наука вообще? Ценность трансцендентального метода Канта состоит в том, что он направлен на само познание как таковое, на виды познания. Современные мыслители заново переосмысливают кантовскую философию, осуществляя, таким образом, поиск нового смыслообразующего разума.

Вопрос познания всегда являлся одним из центральных в философии. Современные же дискуссии вокруг эпистемологии сосредоточены в основном на специфике научной философии, которая трактуется тождественной учению истинного убеждения, необходимо подтверждаемого всякий раз теоретическим образом. Основой данных дискуссий является спор об универсалиях, приведший в средние века к номинализму, ставшего поворотным пунктом в истории европейской мысли. Но истоки зарождения воззрений номиналистической школы следует искать в философии бытия и мышления Аристотеля.

Совершая небольшое историческое отступление, обратимся к некоторым аспектам философии Аристотеля. Известно, что для греческой онтологии между деятельностью бога и космоса существовала жесткая связь. Основанием истины для Аристотеля был божественный разум, и человеческий разум, уподобившись разуму божественному, должен стремиться постичь ее. Античная философия рассматривала себя как «созерцание сущего», которое в свою очередь являлось теорией причины сущего, а значит, оно было созерцанием божественного. В философии Аристотеля много внимания уделялось вопросам познания. Некоторые исследователи видят причину такого глубокого философского анализа мышления в структуре научного метода древнегреческого мыслителя. Аристотель считал, что логическое рассуждение является методом познания, а в «основу всякого доказательства положена некоторая истина, которая уже не нуждается в обосновании, а служит для обоснования следующих ступеней доказательства» [2, с. 121].

Исследуя душу человека, Аристотель идет от познания явления к причине и впервые выделяет два типа мышления: интуитивное и дискурсивное, причем без дискурсивного мышления, интуитивное мышление реально существовать не может. Рассматривая проблему соотношения мышления и чувственного восприятия, греческий мыслитель отмечает, что ум, воспринимая форму вещи, ее не видит, а знает, **что** есть вещь. Связь мышления с бытием осуществляется через понятие истины, которая во взаимосвязи с бытием считается нераздельной. Центр тяжести философской мысли у Аристотеля находится в сфере теоретического разума, а постижение истины становится созерцанием. Философ не считал сущности за пределами миру чувственных вещей умопостигаемыми идеями. Однако, по мнению П. П. Гайдено, противопоставляя свою реалистическую метафизику идеализму Платона, Аристотель не признает реальное существование только вещей чувственного мира, реальный мир, по мыслителю не сводится к чувственному данному, совсем наоборот, область чувственного мира «представляет собой ничтожнейшую... часть целого» [1, с. 73-74]. Такой взгляд отличается от новоевропейского мышления, в котором практический разум занимает главенствующее место, а деятельность, а не созерцание, оказываются в центре внимания.

В Новое время формируются две модели теории познания бытия мира: эмпирическая (Бэкон, Локк, Юм), определяющая опыт и чувственные формы основополагающими в научном познании и рациональная